

Возвращение забытого поэта

А. Оршанин

Таня

Поэма

**Публикация, вступительная статья
и комментарий В.Я. Файна**

Москва, 2016

Путь от Зои до Тани

Этой поэме было суждено 70 лет оставаться в небытие, а её автору – практически забытым почти на целое столетие. Не потому, что его талант уступал таланту известных поэтов. Поэзия не стала для него основным занятием в жизни – он был созидателем. Он внёс заметный вклад в создание металлургической и металлообрабатывающей промышленности нашей страны в годы довоенных пятилеток и считал эту деятельность, требовавшую полной отдачи, значительно более важной, чем своё поэтическое творчество.

А. Оршанин – литературный псевдоним учёного-металлурга профессора Абрама Ефимовича Гутмана – одного из немногих советских специалистов этого профиля, получивших высшее образование в Германии. Такие специалисты были в СССР на вес золота.

А.Е. Гутман родился около 1872 года в Орше (Белоруссия) в бедной многодетной семье. С блеском окончил гимназию. Сам сделал свою судьбу, поднявшись из низов общества. Был разносторонне образованным человеком: знал мировую историю и литературу, был знатоком древнегреческих, римских и библейских преданий, хорошо знал и любил классическую музыку. Стихи писал с детства, в начале XX века был известен в литературных и музыкальных кругах. Единственный сборник его стихов опубликован в 1915 году тиражом 500 экз.: Оршанин А. Впечатленья бытия. М.: Тип. Н. Поманский, К. Запольский и Ко, 1914. (Обложка 1915). – V, 154 с. Известно о тесном сотрудничестве А. Оршанина с композитором, Заслуженным деятелем искусств РСФСР Александром Абрамовичем Крейном (1883–1951), в 1922 году написавшем кантату «Кадиш» (поминальная молитва) для солиста, хора и оркестра на слова А. Оршанина. В фонде А.А. Крейна Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) хранятся 16 листов рукописей А. Оршанина. А. Крейн создал также романсы на стихи А. Оршанина (в том числе «Моя любовь», 1922).

В 1915 году А. Оршанин выступил как литературный критик, опубликовав фельетон на творчество Игоря Северянина, 3 года спустя избранного «королём поэтов», опередив Маяковского и Бальмонта. Этот отклик настолько яркий, неожиданный и глубокий, что литераторы до сих пор о нём вспоминают и даже рекомендуют современным школьникам. Сам факт этой публикации свидетельствует: А. Оршанин был уверен в том, что его имя хорошо известно в литературных кругах и его голос будет услышан.

Больше ничего А. Оршанин не опубликовал, а многие его стихи так и остались в рукописи. Их сберегла Софья Аркадьевна Тарханова, известный переводчик западноевропейской литературы, участник Великой Отечественной войны, которая перед войной девчонкой встречалась с ним, своим (и моим) двоюродным дедом. Многие годы о поэтическом творчестве А. Оршанина никто не вспоминал, пока волею судьбы часть его архива не попала ко мне, и мои публикации не восстановили имя незаслуженно забытого поэта.

Поэма «Таня» транслировалась Кировским областным радио 16 мая 1943 г., была опубликована в газете «Кировская правда» в ноябре 1943 г. (в г. Киров А.Е. Гутман был эвакуирован из Москвы вместе с Московским металлургическим заводом), и считалась утерянной. Ни в одном из списков литературных произведений, посвященных Зое, она не значится, но упоминается в Википедии, в статье об А. Оршанине.

Но дадут теория ублебя,
 Приехти смерти да дасть думибу
 Этой филология умерше да дасть
 Вниме да дасть на теория стратбу.

Смени стране шаштов-Крутов
 Везде да дасть Сунимов тункив
 И востановлен мужик Серий тренов
 И производством и тункив шертказов
 В этом времени Среднековва
 Сунимов да дасть Кострад.
 Теперь да дасть наметают край
 И транспортучи собирают пред.

Теперь во всем поточна Сунима
 И смерть да дасть кивверный тункив.
 Имершевиенбе основае тункив.
 И основан рудар у всех Гор.
 Террит проекта разветвление Суним.
 На нем разчето тункив Кашера,
 Организация поточна тункив,
 Работу шест ченарки, все ра.

Суниме Смерть уже не единна,
 У Суниме есть свой график часовый
 И не ра рывеми, тункив и ритмични
 Да дасть жизни без тункив на поточна

Страница рукописи поэмы А. Оршанина «Таня»

Свои последние произведения – поэмы «Ленин» и «Таня» А. Оршанин хотел опубликовать. В его архиве сохранился отзыв поэта В.В. Казина (1898-1981), написанный 25.11.1943 в ответ на просьбу Союза Советских писателей: «Произведения А. Оршанина значительны по замыслу, квалифицированы с технической стороны. Есть несомненные удачи, острые как по внутреннему, так и по внешнему содержанию места». А критик И. Гринберг заключает в своём отзыве: «Автор, столь добросовестно и серьёзно работающий, заслуживает всяческой поддержки» (июнь 1944 г.). После этого поэт продолжал дорабатывать поэмы (последний, машинописный вариант «Тани» с рукописной правкой и добавлениями датирован 1945 годом). Опубликовать их, однако, он не успел.

Свидетельство С.А. Тархановой, согласно которому она, вернувшись с фронта незадолго до Победы, поэта в живых уже не застала, не подтвердилось: в эпилоге поэмы «Таня» А. Оршанин пишет о знамени Победы над рейхстагом как о свершившемся факте. На заброшенной могиле А.Е. Гутмана на Востряковском кладбище указана дата смерти 1947 г. Детей у него не было, вот и пролежали рукописи, забытые, без движения более 70 лет.

«Таню» поэт назвал поэмой. Я бы назвал её романом в стихах. Дело даже не в большом её объёме, существенно большем, чем, например, поэма Маргариты Алигер. Это – неспешное повествование о том, как Зоя шла к своему подвигу, с историческими и эпическими отступлениями. В этом плане у поэм «Таня» и «Ленин» очень много общего.

Описывая биографию Зои Космодемьянской, А. Оршанин главное внимание уделяет её внутреннему миру, анализируя её путь от Зои до Тани.

От ученицы двести первой школы,
От Зои Тимирязевских садов,
От вешнего побега комсомола
До партизанки Тани – путь стихов.

М. Гринберг отмечает основную особенность поэмы: «Судьба Зои прочерчена на фоне исторических событий и сближена с жизнью всей страны. Подвиг Зои взят в контексте героического напряжения всех советских людей, всего советского государства. Снова и снова А. Оршанин делает экскурсы и отступления, расширяя кругозор поэмы. Это имеет продуманный, принципиальный характер».

Нить славы, подвигов сынов отчизны
Чрез всю историю, чрез всю страну,
Как символ силы, мощи, воли к жизни
И веры в беззаветную весну.

Перед нами длинная вереница исторических имён и событий: Александр Невский, Дмитрий Донской, Московский князь Симеон Гордый (сын Ивана Калиты), Ермак, Минин и Пожарский, Кутузов, Бородинский бой, «Капитанская дочка», гибель Лермонтова на дуэли, Щорс и Чапаев, Киров, оборона Ленинграда, Александр Матросов, гитлеровский геноцид евреев. Не только нашей истории: Жанна д-Арк, сожжение Джордано Бруно, фашистские оргии в Германии.

В поэме живут советские деятели культуры – скрипач Ойстрах, певица Пантóфель-Нечёцкая, литературные персонажи: пушкинские Евгений Онегин, Ленский, Таня, лермонтовские парус одинокий, Демон, боярин Орша.

То Родина на мне перебирает струны.
И, если ей нужна суровая струна...
Напиток мужества мой долг испить до дна.

Поэт рисует панораму суровых военных будней страны:

Рассвет пришёл гигантом разрушенья,
Чтоб отрицаньем зорь затмился день.
Так началось в июне воскресенье,
На мир отбросив траурную тень.

Москва без гула, без огней в витринах,
Москва убежищ и слепых домов,
Москва без сутолоки магазинов,
Москва песка, фанеры и щитов.

Москва, как ты прекрасна в эти ночи
Своей суровой новой красотой!

Особое место в поэме занимает описание эвакуации промышленных предприятий Москвы на восток – на примере металлургического завода, где работал автор. К этой героической теме А. Оршанин возвращается уже вторично – после стихотворения «Эвакуация» (см. мою публикацию <http://orshatut.by/kultura/tvorchestvo-a-orshanina>).

Героика советского народа, вставшего на борьбу за свою независимость, поэт противопоставляет человеконенавистнической машине уничтожения, взлелеянной нацистами.

Смешно стране гигантов Круппов
В безвыходность спуститься тупиков
Изготовлений мелких серий трупов
И производством штучных мертвецов.

В глухие времена средневековья
Сжигали одиночек на кострах.
Теперь баллоны нагнетают кровью
И транспортёром собирают прах.

Теперь во всём поточная система,
И смерть сама – конвейерный поток,

Отныне смерть уже не единична,
У смерти есть свой график часовой.

Не стоит забывать, что так пишет не просто патриот своей Родины, а человек, получивший образование в Германии, воспитанный на великой немецкой культуре.

Поэт ведёт со своей героиней неторопливый диалог, призванный раскрыть её внутренний мир.

Я капля, что безлика в океане,
Но каплями могуч и океан.
Я серенькая птичка в караване,
Но голосист крылатый караван.

Ты чья? – спросила я себя невольно,
Глядя на ленту узкую ручья.
И вот ответ берёзок белоствольных:
«Я, Родина, твоя или ничья».

А. Оршанин – человек своего времени: прославляя народную героиню Зою, он славит имена Ленина и Сталина. В то же время, следует понимать, что для него эти имена – синонимы Родины. И именно так в то время мыслило подавляющее большинство советских людей, включая Зою Космодемьянскую.

Для всего творчества А. Оршанина характерна музыкальность – поэт мыслит музыкальными образами. Эта его особенность ярко проявляется и в поэме «Таня»:

Виолончели песней смерть встречали,
И скрипки вторили им, как всегда,
А Ленский, скорбно вопрошая дали,
Уже зовёт: «куда, куда...».

Гремит в угрюмых залах марш мажорный,
Фашистских оргий возвещая час.
«Хайль Гитлер» – лают медные вальторны,
«Хайль Гитлер» – зазывает контрабас.

Мелькают вновь над скрипкою чугуновой
Искрящих рельсов длинные смычки;
Железо свёртывая флейтой юной,
Поют трубопрокатные станки.

Рассказывая о своих героях, поэт слышит то сюиту Грига, то марш Мендельсона, то дуэт Татьяны Лариной с няней или оперу "Фауст" Ш. Гуно, а то и песню приамурских партизан.

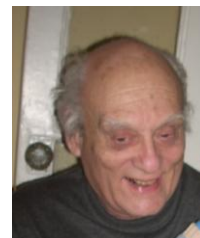
Основательность и неторопливость авторского рассказа подчёркивается его связью с природой, с описанием мест, где действует героиня. Для поэта природа – живая органичность, которую он любит и которой доверяет. Вот каким он увидел Петрищево в день казни Зои:

Заснеженные тонкие берёзы,
Два ряда изб бревенчатых села.
К ветвям кустов подвешенные слёзы
Луна цветными блёстками зажгла.

Для А. Оршанина образ Тани – не трагический, а героический. Он не призывает нас рыдать над её могилой. Таня – эталон беззаветной преданности матери, Родине-матери, эталон стойкости и героизма. Поэма «Таня» – это призыв не к современникам автора – они свой долг Родине уже отдали. Это призыв к будущим поколениям, призыв через десятилетия и века:

Нам говорят, как строки завещанья,
Черты её бессмертного лица:
О, братья, будьте стойки в испытаньях!
О, сёстры, будьте стойки до конца!
События бегут, им нет отсрочки.
Но символ Родины... он в ком?
Он в Зое, что в изодранной сорочке
По снегу шла в бессмертье босиком.

Поэма А. Оршанина «Таня» никогда не устареет, как и сам светлый образ Зои Космодемьянской.

Виктор Яковлевич Файн
vfain@mail.ru

Мы уничтожим Россию, чтобы она
больше никогда не могла бы подняться.

Гитлер

Кажется, ясно, хотя глуповато.

Сталин

И превратить в подобье жизни

Жизнь, отнятую у него.

П. Антокольский

1. Пролог

Когда машин ритмические вздохи
Я слушаю, склоняясь над чертежом,
Мне внятн учашённый пульс эпохи,
Стоящей перед новым рубежом.

Хочу средь эти синие полотна,
Надвинувшийся мрак перебороть,
Тому, что в замысле ещё бесплотно
Пером чертёжным я готовлю плоть.

Прерывистые линии пунктира
Напоминают мне полосы рвов.
Я вижу огневые точки мира
И длинные лучи прожекторов.

В штриховке вижу я цехов уступы,
Спускающихся к водной полосе,
Твои простреленные дважды трубы,
Герой-гигант созвездья СТЗ.

Верёвкою зажатые в гортани,
Но страстно рвущиеся вперёд,
Звучат слова нам партизанки Тани:
«Боритесь. Сталин с нами. Он придёт».

И героиня делается темой.
И в сталинских словах литых
Ищу я вдохновенья для поэмы,
И Родиной просвечен каждый стих.

А стих войны, как танки, вездеходен,
И правота ему броню даёт,
Отстаивает Родину всех родин
В нём гениальный ленинский расчёт.

От ученицы двести первой школы,
От Зои Тимирязевских садов,
От вешнего побега комсомола
До партизанки Тани – путь стихов.

2.

Год двадцать третий – год её рожденья.
(С тех пор как будто бы прошли века).
Диктует в Горках, догорая, Ленин
Последние страница дневника.

Спит Зоя в колыбели безмятежно,
Ей не минул и жизни первый год,
Когда гудки по всей стране безбрежной
Нам возвестили Ленина уход.

И сталинские клятвы поколениям
Торжественно звучали, как в бою:
«Клянёмся мы тебе, товарищ Ленин,
Что выполним мы заповедь твою».

Великий Ленин звал с мужицкой клячи
На лошадь Волховскую пересесть,
На лошадь индустрии, не иначе, –
Ответил Сталин: «Это будет, есть!».

Вождь указал смущённым инженерам,
Как много Русью проспано годов,
Стоял над нею он с секундомером
Под вой сирен, под перезыв гудков.

Быстры Советского Союза воды:
Вместить века хотим железный спех.
Мы часом навестать дерзали годы:
Нужна работа каждого для всех.

И мы строителями в жизнь вращали,
Как рельс стальной в прокатные валки.
Мы шли за Лениным и знали,
Что дни эпох больших черновики.

Все перечёркивания и помарки,
Технологических дерзаний буйный взлёт
Свидетелями были жизни яркой,
Что шла уверенно на разворот.

Творцы, художники числа и меры,
Кладоискатели в глубинах руд,
Мы сталь навьючивали, инженеры,
Чтоб мудрую игрою сделать труд.

А немцы потешались над страной:
«Куда, мол, этим волжским бурлакам,
Баржи таскавшим с солью бичевою,
Движенье дать машинам и станкам!».

Смеясь, отмахивался мир от гномов,
Дерзнувших мир трёх мер преобразить.
Страна, в предчувствии раскатов грома
Спешила детство стройки пережить.

Она готовилась к грядущей буре
И верила, что изумит века
Герой, чья грудь закроет амбразуру,
Где огневая очередь врага.

3.

В Тамбовской области село есть Гаи,
Осиновые Гаи (лес осин).
Непроходимого нет больше края,
Кругом села простор и гладь равнин.

Кругом поля, засеянные просом.
О, северная наша простота!
Пришёл июль. Грустят цветы покоса.
Целует нежно ветер их в уста.

А за полями пятна деревушек
На белогречневых сквозных платках.
Как островки коричневых веснушек
На загоревших бронзовых щеках.

Играя светом и голубизною,
Висит над заводью стеклянный свод.
И прямо в небо, кажется, порою
Осиновая просека ведёт.

Когда сентябрь послала осень с грустью
Лес золотить и тронуть багрецом,
Речушки, обмелевшие до устья,
Из серых тучек взволновать дождём,—
Ты тихо в мир пришла. Жужжали мухи.
И немотой страшила тишина.
«Молчит дитя,— сказала повитуха,—
Смотри: в рубашке родилась она».

А личико, как лепесток ромашки,
Игра лучей в лазоревых глазах.
А на головке чёрные кудряшки,
И розоватый отсвет на щеках.

О, дни младенчества! Окно открыто
Заре, спускающейся в колыбель.
Чтоб на подушке, бликами расшитой,
Сквозистая¹ зарделась акварель.

---

¹ Сквозистый – пропускающий сквозь себя свет; позволяющий различать что-либо сквозь себя..

Мир входит, переливы отмечая,
В расширенные детские глаза
Гирляндой свежей лугового чая,
Волной, мерцающей как бирюза.

Он входит свежестью лесных побегов,
Лирическую простотой лугов,
Он входит запахом дождя и снега,
Контрастом изб на фоне облаков.

Младенчество – ведь это зорь двух встреча.
Горит на детском личике одна,
Как обещание, как дни предтеча;
Другая же сама собой полна.

Чудесно щёк младенческих цветенье,
Улыбок первых ранняя весна,
Фраз детских мелодическое пенье
И интонаций свежих новизна.

И навсегда сроднят тебя с землёю
Светящаяся месяцем река,
Сирень, целуемая нежно мглою,
И ножка влажная боровика.

Как плена дальнего вершин горенье,–
Поры младенчества завешен свет;
Завешен дней взволнованных сплетеньем,
Тенями застлан набежавших лет.

Но в силуэтах изб на фоне света,
В излучинах засохшей колеи,
В мотивах будничных простых предметов
Ключи от героизма и любви.

Шесть лет минуло ей. Она в Сибири.
Иные впечатленья бытия.
Раскрыли образы другого мира
Привольные сибирские края:

Леса, где пихты, лиственницы, кедры
(Вам это не тамбовская ветла).
Где ягоды рассыпаны так щедро,
И высь над тёмным лесом так светла.

А лес пленял октав чередованьем,
Хоть он эпически был величав
И мог часами длить повествованье
Лесных написанных веками глав,–

Но Зоины шаги в зелёный шелест,
В гуденье квинт натянутых стволов,

Невыразимую вносили прелесть
Оттенков, для которых нет и слов.

Контраст меж тёмным исполином – лесом
И девочкой необычаен был,
Когда она следила с интересом
За тем, как вечер золото гасил.

Пусть филин засмеётся иль заплачет,
Пусть слышен хруст (в малиннике медведь),
Но Зоя личико за стол не прячет,
Сжимает ленточку в руке, как плеть.

Лесные звуки следовали быстро,
Порой воздушны были и легки,
Меняли часто силу и регистры,
Их взлёты, восходящие прыжки.

В басы шмелей, густые, словно смолы,
Трель зяблика врезалась, как стрела,
И начинали шествие триоли,
Спеша к стволу от каждого ствола.

Назад откинув красную головку,
Меня краской веток колорит,
Весёлый барабанщик леса ловко
Долотовидным клювом сук долбит.

И повисали леса многозвучья
На тёмных кронах лиственных громад,
Чтоб совершить на ветки и на сучья
Волнообразный постепенный спад.

Ходила часто Зоя к Енисею:
Бежит река волнами за волной.
С ней берега несутся, зеленея,
И, кажется, сама течёшь с рекой.

Текут горизонталы водных линий,
И облака, и синевы клочки.
Течёт прочёркнутое посредине
Светящееся полотно реки.

Текут полосы света, рябь и тени
И опрокинутые листья и цветы.
Одна волна бежит другой на смену,
Течёт в века вся живопись воды.

Река взволнована своим теченьем,
Безмерностью текучих водных масс,
И, удлиняя линий отраженье,
Тенями прерывает их не раз.

Поставив около себя ведёрко,
Сидеть любила Зоя на песке.
А лодочник, в воде макая корки,
Рассказывает ей о Ермаке.

Татарами дружина перебита.
Ермак бросается в Иртыш-реку.
Доспехи все из золота отлиты,
И тяжело нырять в них Ермаку.

И говорит Иртыш широкий:
«Убьёт тебя калёная стрела.
Дай, схороню тебя на дне глубоком,
В песке, в ветвистых камышах русла».

Ермак бесстрашно в воду погрузился,
Разлёгся на постели он речной.
Он спит. Как бок один-то отлежится,
Ермак перевернётся на другой.

Зато река до дна вся колыхнётся,
Гляди, тебя вмиг валом захлестнёт –
И Зоя думает: «Река несётся,
А, может быть, в ней богатырь живёт?».

В Сибири отзвуки войны Гражданской
Не отгремели в сёлах, городах.
Слова и звуки песни партизанской
Звенели эхом в молодых сердцах.

В кино, бывало, в Канске пред сеансом
Все дружно пели песни партизан,
Что гулким отдавались резонансом,
Тупою болью незаживших ран.

Запомнит песнь о партизане Зоя.
Душа мелодией потрясена.
Как буря, входит песня в тишь покоя,
И мелодическая мысль её ясна.

И каждый такт её звучит так властно,
Что ты не вычеркнешь его пером.
Не оттолкнёшь ты песни неотвязной
Ни веткою упругой, ни багром.

Раздумье гонит радости улыбку,
Отбрасывая тени на черты.
Напев, как засурдиненная скрипка,
Лишается внезапно остроты.

Нежданно набежавшим дуновеньем
Картины яркой смягчены цвета.
И вновь душа не принимает тени,
Как чистая прозрачная вода.

Здесь начинается, быть может, Зоя.
Души здесь героический исток.
И нить теперь протянется к героям
Через вехи исторических дорог.

Нить славы, подвигов сынов отчизны
Через всю историю, через всю страну,
Как символ силы, мощи, воли к жизни
И веры в беззаветную весну.

Нить с ледяной корою Зою свяжет,
Где катится «немецкая свинья»².
(Она в мешке, барахтается, пляшет,
Пока на дно холодных вод не ляжет:
Нет рыцаря, нет броненосного коня).

Нить свяжет Зою с «Капитанской дочкой».
Вот сани мчатся. Зимний путь блестит.
Тулуп на Пугачёве с оторочкой.
Савельич недоволен. Он ворчит.

Нить свяжет Зою с Бородинским боем.
Пусть дядя ей: «Богатыри не вы!».
«А почему не мы?» – ответит Зоя.
«Нет, дядя, знай: не отдадим Москвы!».

В Москву стремится Зоя не напрасно!
Уж парта в школе ей отведена.
Ждёт Зою пионера галстук красный
И комнат напряжённых тишина.

Быть пионером – значит, быть, как Ленин.
Правдивым, честным, скромным и простым, –
Быть образцом среди побегов поколений,
И для ребят примером быть живым.

О, годы школьные, пора движенья,
Где каждый шаг и жест одушевлён.

---

² В «Ледовом побоище» на Чудском озере 5 апреля 1242 г., где Александр Невский разгромил тевтонских рыцарей, боевые порядки немцев называли **немецкой свиньёй**. Первая шеренга составляла от трёх до девяти воинов (в зависимости от общей численности подразделения), а фронт каждой последующей — шире предыдущей на два бойца. Общее число воинов, составлявших клин — от 35 до 65 бойцов. Такое построение позволяло нанести мощный фронтальный удар, при этом строй был малоуязвим и с флангов.

Побега юного ты устремленье,
Где каждый день мечтою озарён.

Где утра свет так чист и так прозрачен!
Ты вглядываешься в его черты,
В нём каждый луч так резко обозначен,
Так много в нём тепла и простоты.

Душа свежа, как ландыша прохлада,
И тянет ввысь тебя, и тянет вширь.
Перекричать готов ты водопады,
И сердце стуком наполняет мир.

Идут чредою дни, идут уроки.
Сначала это склянки полнота,
Потом приходит полнота потока,
И Зоя – девочка уже не та.

Костёр с годами пионерский гаснет, –
Недаром день за днями бодро шёл.
Пятнадцать лет – великий праздник:
Октябрь – вступает Зоя в комсомол.

Поздней заполнят золотые строки,
Страницы Зоинога дневника.
(От Ленина идут стихов истоки,
Пером водила Сталина рука).

«К вершинам, где синеют дали
Устремлены мои глаза.
Как малой капле из проталин,
Мне не подняться в небеса.

Светилом стать я не мечтаю,
Под солнцем я, как блик, как дым.
Но всё же связана – я знаю –
Хотя лучом одним, но с ним».

Теперь насытить каждое мгновенье
Работой и трудом – задача дня,
И будни жизни озарять ступени
Потоком комсомольского огня.

На мамином лице увидев слёзы,
К ней приласкаешься, ей говоря:
«Ты Грига слушала. Не смерть ли Озе?»³
От музыки ты плачешь... Это зря.

Недавно я болела менингитом.
И ничего. Осталась ведь жива.
Поляны лютиками вновь покрыты,
И кажется моложе мне Москва.

При встрече в санатории с Гайдаром
Писательский мне явственней стал путь:

---

³ Смерть Озе ("Пер Гюнт") – сюита норвежского композитора Эдварда Грига.

Читал он повесть о Тимуре с жаром,
Сюжет стараясь шире развернуть.

Поэт – пилот (и это было ново)
Хотя не пробудил во мне любви,
Но тонко выразил искусством слова
Полупризнанья юные свои».

Когда настал мой час заветный,
И я носился меж светил,—
Казалось, мир многопредметный
Свои размеры сократил.

Когда ж замедлил я движенье
И в беге пламенном затих,
Узрел своё я отраженье
В глазах задумчивых твоих.

К твоей светящейся планете
Неосторожно подойдя,
В нежданно запылавшем свете
Я закружился, как дитя.

Ты выросла звездой огромной,
Я звёздною песчинкой стал.
Кружусь твоей луною тёмной,
В лучах заёмных странно мал.

«Дар мимики, сценическую внешность
Артист театра у меня открыл.
И в студию свою (к чему поспешность?)
Меня, неискушённую, манил.

Я, мама, чувствую себя счастливой.
Смешно, но я в сорочке родилась.
Богаты жизни нашей переливы,
Пути открыты нам, и всё – для нас.

Зачем же, мама, мы с тобой робеем?
Тебя я скоро отблагодарю.
Я вырасту и, верь, мой друг, сумею
Согреть твою вечернюю зарю».

4.

Опять цветут кусты акаций,
И слышен жаворонка свист «кви, кви».
Полна природа звоном вариаций
На тему солнечной страны: «живи!».

Задумчиво у вешнего порога
Ты восемнадцатой свой весны

Встречаешь торжеством пролога
На фоне света и голубизны.

Не зная горестей грядущей ночи,
Пришёл тебя, мечтая, май искать,
Несомкнутые губы почек
Готовый нежно целовать.

Он здесь, у Тимирязевского парка,
Где Александровский проезд, дом семь.
Цветы садов расцветивая ярко,
Он подошёл к окну её зачем?

Здесь в комнате на коммунальной даче
Цветок, расцветший сталинской весной.
Пред инженером душ стоит задача:
Раскрыть души неповторимый строй.

А где Онегин, та живая сила,
Которая даёт стиху разгон?
Его приход война предупредила:
Герой поэмы мужества – не он.

Ещё не вспыхнула, не засияла
На Зоином пути звездой любовь.
Она полёта дней не задержала,
И не вошла ни в плоть, ни в кровь.

С ней лишь говорили книги, песни
Нагромождением образов, имён.
Неясный облик возникал чудесно,
Томлением чудесным преломлён.

Пусть лик любви и сложен, и изменчив,
Но в Зоиной тетради мысль ясна:
«Любовь должна быть чистою, как венчик
И односолнечною, как весна.

Любви не надо ни измен, ни стражи:
Для чувства оскорбителен укор.
Любовь без поцелуев – та же кража,
И кто целует без любви, тот вор⁴».

В ней чувство Родины, святое чувство
Возникло, как прекрасная гроза.
Усиленные магией искусства
Звучали в ней героев голоса.

---

⁴ **Любовь** - это мелкая **кража**, которую удаётся совершить природному порядку вещей у порядка общественного – афоризм Антуана де Ривароля (1753—1801 гг.), французского писателя-моралиста.

Когда согретый сталинской лаской,
Закончил Чкалов сталинский маршрут,
Колёсами коснувшись гальки вязкой
Во мгле на острове песчаном Уд,

Подруга ей стихи о первоцвете,
Где солнце утра плыло по строкам,
Где рифмы искрились росой лета,
Читала вдохновенно по слогам:

«Есть заповедь одна: гореть ты должен⁵,
И вспыхнувший огонь раздуть в пожар.
На миг у неба пламень твой одолжен,
И в срок ему вернёшь ты сердца жар.

Не знаю, долг ли светлое горенье,
Но молодые листья так свежи,
Но зорь так пышноцветно оперенье,
Что розовеют лепестки души.

Так первоцвет полей, меж трав краснея,
Палим лучом, не может не алеть,
И птица певчая, весной юнея,
Над ним в кустах не может не звенеть».

И Зоя ей в ответ: «Я только искра,
Кого она согреет на лету?
И как её заставить вспыхнуть быстро,
Прыжок последний сделать в высоту?».

Как голос арфы тембром необычным,
В оркестре, растворяясь с ним, не слит,
И звон её, всегда от всех отличный,
Взволнованно ритмически звучит,–

Так в пёстром хоре голосов вселенной,
От смутной жажды подвига дрожа,
Струною мужественной неизменно
Звенит её мятежная душа.

Давно уже лирическим прибором
Запела Родина в её тиши.
И не влекли поэзия покоя
И строй уравновешенной души.

Она любила красоту движенья,
Души накал и волевой напор,
И взлёт, и действенное устремленье
К вершинам, в неизведанный простор.

---

⁵ А. Оршанин цитирует собственное стихотворение.

Язык обыденный и повседневный
Перевести хотелось часто ей
На эпос героически напевный,
На поединок двух богатырей.

И тема ратника, бойца, героя,
Пленяя слух разнообразьем лир,
Из книг, дышащих раскалённым зноем,
Струилась в замкнутый девичий мир.

Часами слушала она веков звучанье,
Как стих вибрирующих дней.
На льду тевтонских рыцарей рычанье,
Стук копий и кольчуг и звон мечей.

Кипит на поле Куликовом сеча
(Там Дмитрий переправился за Дон),
Кипит, чтоб не погасли наши свечи,
Как Гордый некогда сказал Семён⁶.

Шум в Ярославле, Вязьме и «Смоленце»,
Пожарский здесь и Минин Сухорук⁷ –
Стекаются на зов их ополченцы,
Защитников Кремля теснее круг.

Шагает в комнате её Кутузов,
Всю ночь он тихо шепчет: «Так, не так».
Как быть ему с тяжёлым ценным грузом?
И страшно совершить неверный шаг.

Кто полностью все мысли перескажет,
Кто мысли Зои соберёт в букет,
Слова о Родине любовно перевяжет,
Где слиты звук, и аромат, и свет?

Не так ли над пустыней ледяною,
Когда сиянье севера горит,
Волнуясь, за полуденной чертою
Дрожит на тонком острие магнит?

И Зоя от далёких излучений,
Умолкших гроз и от сиявших лет,
Трепещет, в трепетах своих свечений
Их породивший открывает свет.

---

⁶ Человек рождается чаще всего ночью во мраке, чтобы встретить его, зажигали свечи. Умирая, человек погружался во тьму, но живые оставляли зажжённые свечи. Считалось, что и жизнь человека подобна свече, она гаснет в момент его ухода. Может быть, помня об этом, обращался к нам Московский князь Симеон Гордый, сын Ивана Калиты, правивший в 14 веке. И писал он, в завещание потомкам своим «А пишу вам я слово для того, чтобы не перестала память родителей наших и наша и свеча бы не погасла» (<http://www.stihi.ru/2008/06/10/1419>).

⁷ Полное имя Минина – Кузьма (Козьма) Минич Захарьев Сухорукский. Поэт имеет в виду драматическую хронику А.Н. Островского "Козьма Захарыч **Минин**, **Сухорук**".

О Щорсе и Чапаеве читая,
Она приливы чувствовала сил.
И каждый образ, лепкой слов играя,
Чудесно в ней двойною жизнью жил.

Она любила в языке поэта
Правдивых слов лирический поток.
В стихе как много воздуха и света!
Как много светотени между строк!

«В моей душе живёт лирическое эхо,
И многократно в ней усилен звук⁸.
И жертвенная боль, и подвига утеха,
Вся гамма пёстрая напевности и мук.

Подобно арфе я, от веянья звенящей,
Чей необычен лад и песенный узор.
Отчизне я нужна таинственно-молчащей
И чьих-то чувствуя я пальцев перебор.

То Родина на мне перебирает струны,
И, если ей нужна суровая струна,
В порыве волевым со всюю страстью юной,
Напиток мужества мой долг испить до дна».

Ведь ландышевая свежесть – это
Лазурь и сила буйная весны,
Где солнечность одной шестой планеты –
Шестое чувство, чувство всей страны.

Шестое чувство доблести, отваги,
Которое уж на рассвете лет
Таит неодолимой силы тягу
Туда, где Родины струится свет.

Где ключ от чувства этого шестого?
Быть может, озера Чудского лёд,
Иль шлем, доспехи Дмитрия Донского,
Иль двух советских солнц восход?

Ищу его я в Зоиных признаньях,
Они идут из сердца Родины – Москвы.
В них виден переход от Зои к Тане.
Упругим, зрелым стал побег травы.

Здесь в Зое отзвук ленинских заветов,
В ней Тане Сталинской видны черты,
В ней образ молодой Страны Советов,
В ней воплощенье ленинской мечты.

---

⁸ Строки из стихотворения А. Оршанина.

Так голос Родины, Страны Советской,
Что замкнут в буквах ВЛКСМ,
В душе её проснулись полудетской,
Стал в годы грозовые внятн всем.

Она есть в нашем новом поколень
Отображенье ленинских идей,
Есть Ленина и Сталина явленье
В героике неповторимых дней.

И пальцы Родины её коснулись,
И выпрямилась во весь рост она,
От кубка мужества не отвернулась:
По капле выпила его до дна.

5.

Закатным золотом сияли дали
(Кто знал, что этот день – канун грозы?).
Тревожных дней не предвещали
Июня двадцать первого часы.

Москва дышала в эту ночь покоем,
Столицы шум приглушенный затих,
И отдыхающей был внятн Зое
Произнесённый тишиною стих.

Мир Родины уснувшей был чудесен,
Стучало ровно сердце мира здесь,
Он звал куда-то отдалённой песней,
Он тихо растворился в Зое весь.

Жизнь отзывалась в ассонансах острых,
Которыми поэт будил и звал,
В смычке, которым властно Ойстрах
Созвучья Мендельсона воскресал.

Играла жизнь зарёй в улыбке детской,
Звенела птицей в полумгле ветвей,
В инструментальном голосе Ничецкой⁹,
Где чаровал советский Соловей.

Последние часы живя беспечно,
Ты обнимаешь мать свою любя.
И в поцелуе, дящемся, как вечность,
Теряешь на мгновение себя.

---

⁹ **Дебора Яковлевна Пантофель-Нечецкая** (1904/1905 — 1998) — советская оперная певица (колоратурное сопрано) и пианистка, музыкальный педагог. Заслуженная артистка РСФСР (1945). Лауреат Сталинской премии (1946).

Ей мил рассказ твой о кусте акаций,
О шумном парке, где людской прибой,
И перелив девичьих интонаций,
Что воскресают Бородинский бой.

Твои признания красноречивы:
«Весной над талым лугом у реки
Мне чибисы кричали: «Чи вы? Чи вы?»»,
Врезая в воздух быстрые круги.

Ты чья? – спросила я себя невольно,
Глядя на ленту узкую ручья.
И вот ответ берёзок белоствольных:
«Я, Родина, твоя или ничья».

Пусть, мама, кажется ответ их странным,
А ты грядущее в нём разгадай!».
Глядишь, и поцелуем вдруг неожиданным
Потерянный вновь возвращаешь рай.

Так с Зоиной приветливой улыбкой
На дачу наводя и сон, и лень,
Звуча приглушенной певучей скрипкой,
Ушёл июня двадцать первый день.

Рассвет пришёл гигантом разрушенья,
Чтоб отрицаньем зорь затмился день.
Так началось в июне воскресенье,
На мир отбросив траурную тень.

И вздрогнул свет от стонущих моторов,
Раздался хруст, и раскололся мир.
И кровь окрасила дорог заторы,
И клочья мира взяли танки на буксир.

Казалось, треснут скоро неба своды
От нарастающего свиста бомб.
На дальних рубежах шли самолёты,
Четвёрками выстраиваясь в ромб.

Полоски синие крестов на окнах
(О, страшная символика войны!),
Вы – плоти опозоренной волокна,
Вы – жилы, мускулы моей страны.

Косые линии их зачеркнули
Счастливой жизни мирные труды.
Заговорили вероломно пули.
Звериный лик фашизма, это ты!

6.

Часы идут стремительной походкой.
Прислушивается к эфиру день.
Из рупора звучит дневная сводка,
Где лик войны отбрасывает тень.

Она легла на старые аллеи,
На затемнённые дома легла,
На розоватый мрамор мавзолея,
На мать и дочь и на кресты стекла.

Есть край, где дремлют воды Ориноко¹⁰, –
Прервала Зоя тихий бег минут, –
Где в заводах глубоких одиноко
Виктории чудесные цветут.

На региях¹¹, разнежась, крокодилы,
Как на расцвеченных зонтах, лежат.
Как в жизни сочетать свиное рыло
И праздничный виктории наряд!

На теле нашей Родины, отчизны
Разлечься хочет Гитлер-крокодил,
Но победит народ, источник жизни,
Народ – родник неисчислимых сил.

Мать протянула дочери газету:
Здесь нарисован Гитлера портрет.
И Зоя потянулась ближе к свету,
И перенёс её в Германию поэт.

Гремит в угрюмых залах марш мажорный,
Фашистских оргий возвещая час.
«Хайль Гитлер» – лают медные вальторны,
«Хайль Гитлер» – зазывает контрабас.

От лепестков лиловой майолики
До Жанны д-Арк, горящей на костре,
От гобеленов, где играли блики
До виноградных лоз на серебре, –

Всё это было только рамой для картины,
Где кровью был окрашен каждый штрих,
Где тени рыли ямы на ложбинах,
И фаусты расстреливали их.

Но фауст – теоретик убиенья.
Проекты смерти доказать должны,

---

¹⁰ **Воды Ориноко** – большой реки в Южной Америке – изобилуют крокодилами.

¹¹ **Виктория регия** – огромная тропическая кувшинка, настоящее чудо природы Южной Америки.

Что технология умерщвления
Вполне достойна техники страны.

Смешно стране гигантов Круппов
В безвыходность спуститься тупиков
Изготовлений мелких серий трупов
И производством штучных мертвецов.

В глухие времена средневековья
Сжигали одиночек на кострах.
Теперь баллоны нагнетают кровью
И транспортёром собирают прах.

Теперь во всём поточная система,
И смерть сама – конвейерный поток,
Умерщвление – основная тема
И основной рычаг у всех дорог.

Чертёж проекта разверните синий,
На нём разметочные номера,
Организация поточных линий,
Рабочих мест цепочки, веера.

Отныне смерть уже не единична,
У смерти есть свой график часовой
И непрерывен, точен и ритмичен
Бег жизни бестелесных на покой.

Здесь уплотнён в потоке день рабочий,
Пробег же очень краток мёртвых тел,
Монтаж идёт на стендах дни и ночи,
И трупы всё идут на передел.

Конвейер смерти чужд покою,
Коэффициент загрузки должен быть высок.
Поток не должен допускать простоев
И охватить и запад, и восток.

На кроликах, собаках и на крысах
Всё проверяли истину идей,
Теперь пригодны более кулисы
Для измеренья стружки у людей.

Вдруг Зоя вздрогнула: подруга Сарра
Стоит одна близ арки у ворот,
Знакомый глянец кожи, золото загара,
Очерченный излучинами света рот.

Ты в тьму средневековья вся одета.
Сама ты песня песен, ясный день.
О, вспомни нашу школу, игры лета,
И цвет был свеж, и гармонична тень.

О, Суламифь! Смерть входит в окна в доме,
Через скважины, через острие пера.
Ты будешь завтра сожжена в Парионе¹²,
Твой пастушок расстрелян был вчера.

Защиты не найти тебе в Европе,
Боль девятнадцати веков – лишь эпизод.
В крови Израиля пути и тропы
И смерть идёт, как наваждение вод.

Зачем одна ты медлишь у развалин?
В былом три тысячи столетий лет.
Защитою тебе Иосиф Сталин.
Других защитников не жди. Их нет.

В раздумье над столом склонилась Зоя.
Дворцовый гул здесь, в комнате затих.
Произнесённый тихо тишиною,
Как эхо, прозвучал последний стих.

Казалось ей: прочитанные строки
К земле её старались приволочь.
Войну, как мировую катастрофу,
Переживала Зоя в эту ночь.

Не зная тебя, тобою я люблюсь,
Тобою, Зоя, в этот поздний час.
Берёзкой юной, стройною красуясь,
С портрета Гитлера не сводишь глаз.

Вошёл он в тихий дом наш невидимкой
И скалит зубы сквозь кресты окон.
Он в небе возникал снаряда дымкой,
Он к дому подходил со всех сторон.

Вы встретились: грядущий твой убийца,
Палач, влюблённый в собственную тень,—
И в даль, где от снаряда пыль клубится,
Отсвечивающая ты, как день.

С какою нежностью подходишь к маме,
Предчувствуя, быть может, скрытый миг.
От искры чувства вспыхивает пламень
В искрящихся грозой глазах твоих.

Молчишь, прислушиваясь чутко к гулу
Внезапно возмущённой тишины.
Мать долго ждёт, чтоб взглядом ты вернула
Ответный отклик на призыв войны.

---

¹² Парионе – Площадь Кампо де Фьори (Площадь Цветов), где был сожжен Джордано Бруно.

«Час каждый, Зоя, принесёт утраты,
Отмечен болью будет каждый день,
И что сулит нам стрелка циферблата
Не скажет, грозно надвигаясь, тень».

Но разве можно нас скосить, как травы,
И сбросить, как подкову, с борозды,
И, как свечу, задуть сиянье нашей славы,
Пятиконечной ленинской звезды?

Поработить страну, страну такую –
Двух океанов и пяти морей,
Озёрную, степную и лесную,
Прошедшую шеренгой октябрей!

Я знаю знаменательную дату,
Когда ключ от Берлина прозвенел
В руках могучих русского солдата.
Добыть его опять – страны удел.

7.

Зачем июль принёс так много зноя?
Иль солнцу незачем лучи беречь?
У репродуктора стояла Зоя,
Где раздавалась сталинская речь.

Звал Сталин в партизанские отряды,
Громить обозы и мосты взрывать,
Связь портить, поджигать конюшни, склады
И эшелоны под откос пускать.

Речь сталинская Зою взволновала
И, словом сталинским наполнив слух,
Беззвучно про себя она шептала,
Решеньем тайным замыкая круг.

Пришло так долго чаемое слово,
Что Зоя повторяла по складам.
Она в тиши прислушивалась снова
К свистящим звонким четырём слогам.

О, репродуктор, ты членораздельно
Ей слово «партизанка» повтори,
В нём взлёт отваги беспредельной,
И резкий свист свинца, и свет зари.

Удар в нём соколиный – в миг сигнала,
Как молния, разящий на лету.
В нём звук вонзающегося кинжала,
Чей блеск распарывает темноту.

Быть партизанкой – значит, быть крылатой,
Готовой каждый миг идти на взлёт,
В глухую ночь ползти по снежным скатам
И телом разрубать и снег, и лёд.

Покоя на мгновение не зная,
Питаюсь размельчённой корой,
Гореть на льду, холодный снег глотая,
Гореть одним огнём, одной мечтой.

Быть ею – значит, овладеть искусством,
Когда в бою настанет время сметь
В разбеге поглощающего чувства
Опасность презирать уметь.

И выключить себя внезапным взрывом,
И гневных чувств раздумьем не дробя,
Остановить бег времени, бег торопливый,
Мгновенью действия отдав себя.

Быть партизанкой – значит, быть героем,
Героем жить, героем умереть,
Во имя Родины жить мезью, боем
И, жизнь любя, перебороть и смерть.

Она задумалась, и быстро мысли
Её перенесли в Кремлёвский зал.
Он здесь, кто взвесит всё и всё исчислит,
Кто дивно выше гор великих стал.

Над картой грозных мировых событий,
Бегущих через Старый, Новый свет¹³,
Сплетающихся в Эбсене и Сити,
Знакомый видит Зоя силуэт.

И кажется ей: стрелы синих линий,
Отметивших на карте немцев путь
Через пепелища наши и руины,
Летят, вонзаясь, в сталинскую грудь.

Но в дни, когда вмешательства в пространство
Стальных чудовищ и фашистских лиц,
Кладёт на всё печать непостоянства,
На ход сражений и на сдвиг границ,—

Его речей пророческие гулы
Из Красного Кремля чрез всю страну
Несутся в сёла, в горные аулы
И шевелят Кавказа седину.

---

¹³ **Старый свет** — это континент Земли, известный европейцам до открытия Америки в 1492 году.

И каждый величавыми ночами,
Услышав в темноте сирены вой,
Беззвучно отвечает: «Сталин с нами,
А если с нами, значит, и со мной».

Он с нами, значит, наши песни, сказки,
Стих Пушкина и ленинскую речь,
Всё то, что оплотнело в бронзе, в краске
Сумеем мы от варваров сберечь.

Казалось Зое: в сумраке горячем,
В лучах, где догорал закатный свет,
Был путь грядущий Сталиным означен,
Как путь выковываемых побед.

Светилась даль отливами опала,
А вечер шёл по лестнице теней
И выбился, как складки покрывала,
Краями золотистыми на ней.

На облака, что резко потемнели,
Луч проектировал штрихи листвы.
Готовились прожекторы к дуэли,
Чтоб оттенить величие Москвы.

Мосты перекликались с поездами,
Зубцы кремлёвские – с ночью мглой,
Твердя уверенно: «Ведь Сталин с нами,
А если с нами, значит, и со мной».

И ночь приглушенными голосами,
И каждый дом и пост сторожевой,
Казалось, вторили им: «Сталин с нами,
А если с нами, значит, и со мной».

8.

Шли дни, неся Москве свои порядки,
Заботы о пожарниках, песке,
Противогазах, капюшонах, кадках.
Где Зоя? На посту, на чердаке.

Поблескивало небо перед боем,
А горизонт темнел, как бахрома.
Искрилась мыслями своими Зоя,
Лучистыми отливами письма.

То был привет с далёкого Востока
(Эвакуация – сюжет картин.
Какие вырвутся стихов потоки
Из трещин этих памятных годин!).

Урал нас встретил заревами домен
И языками коксовых печей.
День проводов, вы помните, был тёмный,
Как слабый контур будущих ночей.

Бросал он тени в скверы от зенита,
Он провожал в убежища Москву;
Лучом, похожим на рейсфедер с виду,
Пересекал стократно синеву.

Вступленье началось не у вокзала.
С привычных мест мы сдвинули станки.
Шла репетиция в машинном зале,
Но прерывали действие свистки.

Прощались мы с просторными цехами,
Послушные велениям вождя,
Платформы с механизмами винтами
Укрыли мы от влаги и дождя.

Развёртывая горизонт свинцовый,
Шёл поезд осторожно на восток.
Мелькал казавшийся сквозь дождь суровым
Вдоль полотна дорожного песок.

Но вот застыли пальцы кривошипа,
Колёса спаренные не стучат.
Всех будит паровоз гудками хрипло,
Сигнал – и первый груз с платформы снят.

Настали дни героики движенья
Ремней, искавших второпях шкивы,
Героику зубчатого сцепленья
Колёс, дышавших воздухом Москвы.

Сегодня, наконец, стальной одеждой
Сверкают муфты, штанги, тормоза.
Страна моя, в тылу опять с надеждой
Гляжу взволнованно в твои глаза.

Ко мне, друзья, дорогою гранитной,
Под крепь из металлических стропил,
Где раздаётся звон машин неслитный,
Где пар чугунный поршень заслезил.

Железный строй машин опять налажен,
И зазвучал стальной речитатив.
Мотора не узнать. Он переряжен,
Торопится, шкивы ремнём обвив.

Как пуговицы, застегнув заклёпки,
Одетый в полированную медь,

Котёл железный раскалённой топкой
Воспламеняет впрыснутую нефть.

В мартеновских печах пора кипенья,
Кипенья красным, белым пузырьём,
Перекипания, успокоения
И встреча расплави стальной с ковшом.

Прекрасен час мартеновских светаний
И гимнов домен нефтяным печам.
Зовя полки машин к соревнованью
Рассвет, как вождь, проходит по цехам.

Мелькают вновь над скрипкою чугунной
Искрящих рельсов длинные смычки;
Железо свёртывая флейтой юной,
Поют трубопрокатные станки.

И лист без выкровок валками скроен,
Ритмичен молотов рабочий ход.
Я снова в бодрый лад с тобой настроен,
С тобой, металлургический завод.

На чердаке под золотом закатным
Волнует Зою фронт, зовёт и тыл.
Успех войны ковать на поле ратном
Ей, кажется, суровый рок сулил.

От Родины невидимые токи
Исходят и проходят чрез неё,
Торопят дни войны отлёта сроки,
На фронт направлено их остриё.

Теперь стал рост её необычаен.
Она росла и выросла, как цвет,
Который нарастает в бурю тайно
И, нарастая, переходит в свет.

Теперь все Зои дни есть дни разбега.
Ей скоро оторваться от Москвы,
От первых радостных пушинок снега
На пятнах Тимирязевской листвы.

В бессмертие войдут их двое:
Он, вождь, соратник Ленина, стратег,
И сталинская партизанка Зоя –
Отчизны замечательный побег.

9.

Есть чернота в календаре июля.
Сегодня ей исполнилось сто лет.
Бессмертны крупного калибра пуля
И кухенрейторовский пистолет¹⁴.

---

¹⁴ Пистолет с кремневым замком работы немецкого мастера Йогана Кухенрейтера, с длиной ствола 24.6 см., изготовленный в XVIII веке. Таким пистолетом 5 (27) июля 1841 г. у подножия Машука отставной майор Мартынов убил на дуэли поручика Михаила Юрьевича Лермонтова.

Молчат свидетели – хребет Машука,
Крутой, неразговорчивый Бешту¹⁵.
Они ему протягивали руки,
Протягивали руки за версту.

Когда же он, не подходя к барьеру,
Лишь поднял пистолет свой дулом вверх,
То гром не выдержал, несясь карьером,
И ливень злость свою излил на всех.

Раздался выстрел в шуме урагана
(Не перестанет он звучать века),
И голый влажный грунт целует раны
На сюртуке Тенгинского полка¹⁶.

Дописана последняя картина,
Где смерть есть завершающий мазок.
Осталась образов и слов лавина
И недосказанное между строк.

Условия воздушной перспективы
Так необычны в лермонтовский день,
Что различаешь горные массивы
И облака, отбрасывающие тень.

Хоть далеки молочные извивы,
Но острые их контуры, как нож,
Врезаются в лазоревые переливы,
И каждый выступ на кинжал похож.

И выступая темнотой из света,
Печально Демон на скале стоит.
Но Зоя от него не ждёт ответа,
Не ждёт ответа от могильных плит.

Боярин Орша старческой рукою
Кидает ключ заветный в зыбь Днепра.
Но вздрагивать не заставляет Зою
Холодный всплеск и брызги серебра.

Не оттого, что в ней угасла жалость,
А появилось чувство новых дней.
(От многих наших девушек осталась
Одна лишь груда жёлтая костей).

Её волнует парус одинокий,
Который молнии и грому брат.

---

¹⁵ **Бешту** – гора рядом с Машуком.

¹⁶ **Тенгинский полк** – пехотный полк, куда часто ссылали штрафных и вольнодумцев, в него был переведён Лермонтов в апреле 1840 г.

Он близок, исторически далёкий,
Он с бурей всегда обняться рад.

Всемирной катастрофою разбужен,
Свою он слабость ясно сознавал.
Но в эти дни стране и парус нужен,
И без раздумий он вдоль ветра встал.

Теперь, когда темны глаза лазури,
Когда тосклив сирен растущий вой,
Идти навстречу надо грозной буре,
Чтоб в буре, может быть, найти покой.

10.

Сурово встретил Зою в день ненастный
Индустриальный сумрачный пейзаж,
Где в контурах его гремел неясных,
Преобладал над углем карандаш.

В нём переходов не было обилья,
Оттенков левитановских холстов.
Он брал не настроением бессилья,
А логикой уверенных штрихов.

Отмечены станков горизонтали
И линии наклоненных ремней,
Своеобразным колоритом стали,
Особым строем красок и теней.

Покоя не искали зацепленья,
Не думала о нём спираль сверла.
Здесь были типы разные движенья,
Величие расчёта, мощь числа.

Здесь поросль – металлическая стружка
То тянется змеёю без конца,
То хрупкой строчкой иль опушкой
Блестит на кромках режущих резца.

Хотя в токарном цехе было зябко
И мёрз с утра зубчатый перебор,
Но меж переднею и задней бабкой
Шёл целый день обычный разговор.

О скоростях вращения и подачи,
О геометрии и стойкости резцов,
О радости стахановской удачи
И узком допуске для резьб болтов.

Завод всей группой инструментальной
И контрапунктом тембров, голосов,
Всей звучностью, порою внетональной,
Старался вырубить подобья слов.

Они от суппортов до горизонта,
Усиленные ритмами гудка,
Звучали лейтмотивом «всё для фронта!»,
К станку передаваясь от станка.

«Для фронта!» – пели медные прокладки,
«Для фронта!» – повторял чугун гитар.
«Для фронта!» – отвечали рукоятки,
«Для фронта!» – пропыхтел в котельной пар.

И Зоя чувствовала тему воли
В любом сверле и шестерне любой, –
Но шум машин не заглушал в ней боли
И дум о рубежах земли родной.

Её тянули властно даль немая
И синевы заплаканной глаза,
Луга, где каждый кустик огибая,
Ползти приходится и гнуться, как лоза.

Снижаются над ними мессершмитты,
Ей жертв растерзанных безумно жаль.
«О, ненависть! Душа тебе открыта,
Войди в меня и сердце мне изжаль.

Ты исколи его ножами яви,
Ты так его обидой изъяви,
Что страх невольно навсегда оставит
Меня, чья ненависть – дитя любви».

11.

Ты в комнате своей простой и скромной
Замкнула круг, и в этом круге ты.
За окнами молчанье ночи тёмной,
Молчание зловещей темноты.

Прощаешься со всем, что так знакомо:
С подушкой девичьей и полкой книг.
Последние часы ты в этом доме.
Не оттого ль так полновесен миг?

Какие-то невидимые звенья,
Что связывают нас с судьбой страны,
С предельной силой натяженья
В тебе натянуты, напряжены.

Она – на оккупированной зоне,
Пред ней низины, сёла и поля,
И ей слышны приглушенные стоны,
Родная наша русская земля.

Темнеют на столбах и семафорах,
Раскачиваясь на ветру, тела.
Их озаряет тихий свет просторов,
Окоченевших обнимает мгла.

И заживо закопанные дети
Покров земли бессильно шевелят.
Горелым мясом пахнет терпкий ветер,
И трубы на пожарищах торчат.

За днями виселиц из перекладин
Приходят ночи длинного ножа.
Всем миром править хочет Бертехсгаден¹⁷,
Влажна от крови каждая межа.

И вот она дошла до Ленинграда
(За ней, казалось, Сталин следом шёл).
Дома дышали воздухом блокады,
Виднелся шпиль, завёрнутый в чехол.

Снаряд, огромную воронку вырыв,
С фронтана фреску снял взрывной волной.
Но твёрдой поступью проходит Киров
С портфелем по Садовой, как живой.

Он смотрит вдаль, раскатами встревожен:
Ильич, простёрши руку там стоит.
Песком, мешками памятник обложен,
И от осколков броневик укрыт.

Шары ракет взлетают у залива.
Она идёт к дорожному узлу.
Светящиеся пули и разрывы
Молочную прочерчивают мглу.

Когда-нибудь окон пустых просветы
И каждый метр изрытой мостовой
Расскажут повесть муки и победы
Бойца с неповторимой судьбой.

Она идёт. Мелькают деревушки.
Под ней уже московская земля,
Где мило всё от узенькой речушки,
И в ней – до маленького головля.

И вот Москва. Москва – такое слово,
В себе вмещающее все слова,
Где мужество согласных вечно ново,
Где гласных женственность всегда нова.

---

¹⁷ Бертехсгаден – город в Баварии.

Москву сжимают вражеские кольца,
Прощаются в Волоколамске с ней.
На виселице восемь комсомольцев –
Герои подмосковных рубежей.

Прощаются, ей отдавая жизни.
Москва! Для них иного нет пути.
Пусть лучше кровь из сердца брызнет,
Чем видеть бирку на своей груди.

Ведь Родина – не только дым селений
И серебро опушенных берёз, –
Она в сердца и быт вошедший Ленин,
Который в нашу мысль, в сознание врос.

Она – цветенье, сила, смелость.
Когда любовь – горенье, а не долг,
Ты закрываешь амбразуру телом,
Чтоб в дзоте пулемёт врага замолк.

Она не только позолота сосен,
Равнин необозримых тишина, –
Нет, Родина – гвардейцев двадцать восемь,
В войну врубающие имена.

Над столиком склонилась в полночь Зоя.
Душа всем виденным потрясена.
Прощай, прощай, поэзия покоя,
К героике зовёт меня страна.

Терзает мать. О, как пройти мне мимо!
«Я слышу плач, и я уже не та.
Власть чувства этого неодолима,
Неодолима наша правота.

Мне завтра что бы ни сулило,
Но боль, но ненависть к врагу
Во мне такой необычайной силы,
Что не идти на зов я не могу».

Вдруг в Зое взорвались аккорды неги,
По ней пассаж скрипичный пробежал.
Пред Танею светящийся Онегин
Контрастной тенью у скамьи стоял.

Знакомое нам с детства имя Таня
Уносит Зою к отзвучавшим дням.
В лирические разговоры с няней,
В мир замкнутый провинциальных драм.

В дни напряжения, когда в гортани
Зажато слово мщенья «убей», –

Врезается ей в память имя Таня,
И с этим именем сродниться ей.

Виолончели песней смерть встречали,
И скрипки вторили им, как всегда,
А Ленский, скорбно вопрошая дали,
Уже зовёт: «куда, куда...».

Тревоги ночь над городом повисла,
И крепом траурным затянут свод.
Звучат, полны трагического смысла,
Слова «благословен и тьмы приход».

12.

Ноябрьский вечер. Как пуста столица!
И мрак над ней стоит во весь свой рост.
Бегут часы, но никому не спится,
И в небе часты вспышки острых звёзд.

Свет палево-оранжевой ракеты
Внезапно зажигается над ней,
И резко проступают силуэты
Громад, очерченных игрой теней.

Москва без гула, без огней в витринах,
Москва убежищ и слепых домов,
Москва без сутолоки магазинов,
Москва песка, фанеры и щитов,–

Москва, как ты прекрасна в эти ночи
Своей суровой новой красотой!
Ильич твоей судьбою озабочен,
По улицам проходит, как живой.

Пора. Враг подлый у ворот столицы.
От Зои к Тане кончился разбег.
Перевернуть пора уже страницу,
Где лес, костёр, землянка, снег.

Понятны сказанные втихомолку
Слова «уйду я завтра в тыл врага.
О, мама, ты пойми: я комсомолка,
Быть смелым – это долг большевика.

Не отговаривай меня. Мне всё известно.
Зачем ты плачешь? Ты ль твердила мне,
Что я должна быть мужественной, честной,
И я стоять не в силах в стороне.

Когда я вижу надпись на плакате:
«Скажи, скажи, чем фронту ты помог?»,
Не знаю я, куда себя мне спрятать,
Готова я зарыться хоть в песок.

Я капля, что безлика в океане,
Но каплями могуч и океан.
Я серенькая птичка в караване,
Но голосист крылатый караван.

Я знаю, что спокойнее зарыться
В колхозе дальнем где-нибудь в ботву.
Душа моя с покоем не мирится,
Когда фашисты лезут на Москву.

Прощай и помни обо мне, о Зое.
Я сердцем, мама, никогда не лгу.
Вернусь героем иль умру героем,
Но Родине моей я помогу»,

13.

Сбылись твои мечты. Ты партизанка.
Переступила грань твоя нога.
Сегодня твой ночлег в сырой землянке,
А завтра – целины глухой снега.

Там слушаешь ты завыванье бури,
И учишься целиться и стрелять,
Потом от амбразуры к амбразуре
В землянке-блиндаже перебегать.

Стоишь часами в тёмном перелеске,
Выслеживаешь вражеский обоз,
Перерезаешь связь движеньем резким,
К конюшне пробираешься в мороз.

Довольно! Дай себе хоть краткий роздых
От зарева пожара и пурги.
Он леденит тебя, морозный воздух,
Куда опять направишь ты шаги?

Какою силой, Зоя, ты влекома?
Ты помнишь в детстве виденный пожар?
И голубя с предсмертной истомой,
Влюблённого в огонь, и дым, и жар.

Кружился долго он, изнемогая,
Над заревом малиновым огня,
Как ночи тень, загадочно мелькая
В мерцаньи грустном гаснущего дня.

Пурпурным заревом зажглись все дали,
Был едким дымом воздух полн,
Но суживались взмахи и спирали,
Но стали ближе гребни красных волн.

Уже одно его крыло дымится,
Но тайно бездной пламенной влеком,
Изнемогая, он над ней кружится
И падает стремглав в огонь клубком.

Я знаю, что стихия не слепая,
Как голубя, в огонь тебя влечёт,
А к Родине твоей любовь святая
И ненависть к врагу на бой зовёт.

Идёшь ты к вражескому гарнизону,
Чтоб Сталину помочь, чтоб победить.
В Петрищеве Верейского района
Короткой жизни оборвётся нить.

(Назвать хочу предателя и гада,
Но стих, до боли рифму сжав, молчит).
Свершить за подвигом ты подвиг рада,
Ведь сердце Родины в тебе стучит.

А впереди ждёт мужества напиток,
И силы героической прилив.
Ты без боязни примешь пламя пыток,
Мольбою сжатых уст не осквернив.

Твои погаснут, Зоя, скоро очи,
Чтоб солнце снова радостно взошло,
Чтоб, улыбаясь нам сквозь траур ночи,
Победы утро вспыхнуло светло.

14.

Поклонник Ницше¹⁸, гитлеровец шустрый
Любил твердить, не зная полумер:
«Так говорил когда-то Заратустра¹⁹,
Так говорил полковник Рюдерер²⁰».

«Жестокостью сверхчеловека меря,
Я Заратустры выполнил завет:
Ступени показали мы сверхзверя
И ницшеанских радуг жёсткий свет.

А потому я пыток вам даю программу:
Стегать ремнём по телу двести раз.
Пусть брызнет кровь её к оконной раме,
Пусть искры сыплются из тёмных глаз.

---

¹⁸ Идея немецкого философа **Фридриха Ницше** (1844–1900) о сверхчеловеке, который займет место умершего Бога, у Гитлера мутировала в представление о немецкой сверхрасе.

¹⁹ «Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого» – философский роман Фридриха Ницше.

²⁰ **Полковник Рюдерер** – командир немецкого полка, военнослужащие которого издевались над Зоей, был награждён Рыцарским крестом 23 октября 1941 года.

Вокруг неё вы бешено пляшите:
Ты принесла бензин, так пей бензин.
Горящей лампой партизанку жгите,
Крича «пей керосин, пей керосин!».

Потом пройдитесь по спине пилою,
Как по струне скрипач своим смычком,
Затем в одной рубашке под луною
Водить её по снегу босиком.

Пусть партизанка приведёт вас к месту,
Где скрылся ненавистный мне отряд.
Снять всех живыми, словно кур с насеста.
Отряд весь будет окружён и взят».

– Полковник, ясно всё, хоть глуповато, –
Об этом скажет Сталин вам не раз.
Этюды пыток мастеров завязтых
Напомнит вам суда последний час²¹.

«Нет, я сильнее ваших пыток, звери, –
Вновь партизанка станет вам твердить, –
Я заперла мои уста, как двери,
И вам ничем, ничем их не открыть.

Ваш Заратустра может боль утроить,
Но партизанкой сказанное «нет»
Вам в «да» никак не перестроить.
Не знаю. Не скажу. Вот мой ответ.

Не скрою одного: что Ленин с нами,
Не утаю, что Сталин – на посту.
Они своими светлыми мечами
Фашистскую распорют темноту».

Вы слышали? То голос юных поколений,
Их героизм все страны удивит.
Через них, через них вам отвечает Ленин,
И их устами Сталин говорит.

15.

За окнами заснеженное поле.
Мечтает тощий унтер Бейерлейн²²:
«На днях нам быть в Московском Метрополе,
Подарки посылать к себе на Рейн.

Сметут всё гусеницы наших танков.
Мне надоело общество берёз.

---

²¹ Узнав о подвиге Зои, Сталин распорядился пленных из полка Рюдера не брать. По некоторым данным, полковник Рюдерер был пленён, судим и расстрелян.

²² Унтер Бейерлейн – реальный персонаж, попавший в наш плен.

Смотри: ведут солдаты партизанку.
Хайль Гитлер! Начинается допрос.

Пряма, стройна, сурова и плечиста.
В избу Космодемьянская вошла.
На девушку уставились фашисты,
Потом закопошились у стола.

И рядом с той, кто чище белых лилий,
С душой алмазной, твёрже лепестков,
Стоял изменник Родины Василий,
Стоял предатель Родины Клубков.

(Кто он, перебежавший с поля брани
На сторону заклятого врага?
Кто он, что предал партизанку Таню?
Проклятье, тягостей над ним века.

Пройдя в фашистской школе курс разведки,
Проникнет снова в армию шпион,
Задумав нанести удар нам меткий,
Но будет пойман нами и казнён²³.

Теперь же рот его кривит гримаса.
Живой уликой должен он стоять
На службе у германской расы.
Смотри ж, как нужно жить и умирать!).

И, стряхивая пепел с папиросы,
На Зою грозно Рюдерер взглянул,
А переводчик протокол допроса,
Старательно разгладив, развернул.

«Скажите мне, как вас зовут? –
– Татьяна.
Кто вас направил в тыл к нам и когда?
Молчите... Но ведь от другого партизана
Мы всё узнаем. Понимаете вы это?
– Да.

Молчите вы, но это опыт первый.
Другой этюд пока приберегу.
Вы видите: щажу я ваши нервы,
Но говорить заставить вас могу».

И Рюдерер приказ даёт солдатам:
Её раздеть и грубо обыскать,
Руками шарить по рубашке смятой;
Жакет штаны и валенки – всё снять.

---

²³ Клубков был расстрелян за измену Родине 16 апреля 1942 года.

– «Теперь вы в трусиках, в одной сорочке.
Мой дружеский совет: не быть немой.
А эту кружевную оторочку
Вам пришивала мать своей рукой?»

Я знаю, любите свою вы маму.
И вот сказать нам правду я прошу.
Мне отвечайте на вопросы прямо:
Где ваш отряд?

– Не знаю, не скажу.

Не отпирайтесь. На столе улики:
Бутыль с бензином, спички и наган.
Вы на пути Германии великой
Дерзнули стать отрядом партизан.

Наш Гитлер – вождь упрямый, вождь жестокий,
И нет помех ему на всех путях».
Порозовели снова Зои щёки,
И вновь сверкнули огоньки в глазах.

«Помеха вам – любовь страны к свободе.
Помеха вам – вся Родина моя.
Её война – война всего народа,
Частица этого народа – я».

«Не молодёжь, а гнусное исчадьё,–
Сквозь зубы подполковник процедил,–
Ни слёз, ни просьб, ни слова о пощаде».
Он, крякнув, сигарету закурил...

«Итак, кто полевого телефона
Нахально перерезал провода?
Кто навалил столбы на перегоне?
Я порчей связи вам обязан?»

– Да.

Твердите вы в который раз «не знаю».
До виселицы путь ведь небольшой.
Но волю вашу я, клянусь, сломаю,
Вам пытки предложив – этюд второй.

Стянули горло вам, как будто кольца.
Но с Красной Армией ведь связь была?
Друзья вам – коммунисты, комсомольцы.
Какая к вам тропа от них вела?

Вы были в школе, верно, голосисты,
А здесь заладили всё «нет и нет».
Молчать – быть значит это коммунистом?».
И Зои быстро прозвучал ответ:

«Быть коммунистом – значит, быть, как Ленин,
И верить в творческие силы масс,
Ковать, как Сталин, волю поколений,
Безустально ковать победы час».

Тут взвизгнул Рюдерер: «Для комсомола
Полезней всех тирад эту д ремня.
Такой не снился вам, конечно, в школе.
Он прозвучит поэмою огня.

Я после каждых двадцати ударов
Прошу с неё мне фотоснимки дать.
Альбом я фюреру пошлю в подарок,
Чтоб Гитлеру этюды созерцать.

И пусть Мане писал сто раз стог сена.
Сегодня партизанка – тема дня.
В чертах приятно видеть перемены
От поцелуев огненных ремня».

Свистят ремни, свистят, впиваясь в тело,
И розовеет на сорочке кровь.
Фотограф мечется, как угорелый,
Альбом этюдов пытки... Он готов.

Искусанные губы вновь кусая
И подавляя жгучей боли крик,
В последний раз им Зоя отвечает:
«Я ненавижу ваш звериный лик.

Вы разорвите всю меня на части –
Не изменю я Родине своей.
Меня сломить не в вашей власти,
И я одна сильнее вас, зверей».

Раздался снова голос Рюдерера:
«Вы не хотите фюреру помочь.
Я дам вам для прогулки кавалера,
Прогулки в романтическую ночь.

Ног пальцы лунную сонату
Сыграют вам на клавишах снегов.
Ха-ха! Идти в белье босой по скату...
Ведь это выразительней всех слов.

Поэзия: село, луна – медяшка²⁴,
И поджидающая дочку мать.
Кто начал жизнь счастливую в рубашке,
По жизни к смерти может в ней шагать».

---

²⁴ Медяшка – медная монета.

И, выпрямляя плечи, встала Зоя,
Чуть тронув чёрное пятно на лбу.
Её уводят спешно под конвоем
Для новых пыток в дальнюю избу.

16.

Заснеженные тонкие берёзы,
Два ряда изб бревенчатых села.
К ветвям кустов подвешенные слёзы
Луна цветными блёстками зажгла.

О, русская луна, луна родная,
Как можешь ты не гаснуть в эту ночь?
В изодранной рубашке и босая
Идёт любимая страною дочь.

Зачем ты тело Зои колешь, ветер,
Бросаешь горсти снега ей на грудь?
Ей Гитлер скалит зубы в лунном свете,
И часовой штыком торопит путь.

Мороз. Примята танками дорога,
И на снегах отлив голубизны.
Об лёд ободраны до крови ноги,
И пальцы судорогой сведены.

Ей, уходящей, ждать чего от жизни?
Финал. Хруст снега, виселицы скрип.
«Щурюк!» не раз конвойный Зое свистнет,
Но нет путей к стволам родимых лип.

Отчизне Зоя думы посвятила,
И скорбь её светла, светла печаль.
Все образы собою заслонила
Та, для которой жизни ей не жаль.

Чего же этой ночью хочет Зоя?
Свободы? За спиною часовой.
Не надо ни забвенья, ни покоя,
Хотя покрылись ноги синевою.

Пройти бы только пытки путь, не дрогнув.
Быть мужественной, твёрдой, как кремень,
Не распахнув в победу настежь окна,
Приблизить хоть на миг победы день.

О, ноги, стебли тонкие, не гнитесь
И донесите Зою до петли.
Обугленные, вы не подломитесь,
Целуя чистый снег родной земли.

Она идёт. Кругом бугры, сугробы,
И тянется, как бесконечность, ночь.
А где же мы с тобою были оба –
Отчизны верный сын, отчизны дочь?!

Как волосы её обледенели!
Чтоб враг, чтоб часовой (он весь продрог),
Над слабостью глумиться не посмели,
Своих не жаль ей почерневших ног.

Идёт она, идёт равниной белой
По льдистому колючему стеклу.
Хочет Гитлер, грозный парабеллум
Протягивая к ней сквозь ночь, сквозь мглу.

О, кто ж причастен может быть покою!
Она ведь босиком за нас идёт.
Идите ж, девушки, на смену Зое,
Спешите юноши железным строем,
За Зою мстя, в стремительный поход!

17.

Полночный бой часов: два... три... четыре...
Она в бреду. Покинуть надо дом.
Величие души раскрыв пред миром,
Пройти по всей стране ей босиком.

Она легка, как лепесток ромашки.
Идёт на вражескую высоту,
Идёт в одной разодранной рубашке,
Чтоб доказать всем нашу правоту.

Идти, не сбиться с сталинской дороги.
Уходит незнакомый тракт в снега.
Как ноют обмороженные ноги,
И мёрзлая рубашка как жестка!

Кто ноги погрузил ей в ковш мартена?
Невыносимо жжёт стальная плавь.
Признаний ждёте вы или измены?
Нет, мужество – не грёза. Это явь.

Отрежьте ноги ей – возьму их в руки.
На костылях до Сталина дойду,
Над головой их подниму, как знамя муки,
И у стены Кремлёвской упаду.

Как низко опустились с неба люстры!
Зверей выводит Гитлер из пещер.
Так говорил когда-то Зоратустра,
Так говорит полковник Рюдерер.

У слов большая пробивная сила.
Опять тревожный бой: пять... шесть...
В нём то, что будет и что было,
Прощается сурово с тем, что есть.

Он монотонно говорит: «семь... восемь...».
Твоя последняя уходит ночь,
Чтоб радугу к бессмертью перебросить,
И радугой в веках смерть превозмочь.

Он хочет, Гитлер, мир от нас завесить,
Он хочет погасить наш звёздный свет.
Кремлёвские часы бьют девять, десять.
Я сводки больше не услышу, нет.

О, Зоя, свет последний, свет закатный
В твоих горящих мужеством глазах.
Твой подвиг будит отзыв многократный,
Твой образ светится уже в веках.

Я знаю, ты в безлиственные сени
Уже вошла, прохладой дыша.
И не отбрасывает больше тени
Твоя прозрачно-чистая душа.

Ей, Родина, в тебе бы раствориться,
Как в море малой капле дождевой,
В лад сердцу дорогому сердцем биться,
Когда наступит тишины покой.

«Вперёд, смелей! За мною, партизаны,
Раздумьем чувство мести не дробя!».
Но ты лежишь на грязной лавке, Таня,
И завтра виселица ждёт тебя.

– Где шапка, куртка? Ты украл их, Зибель?
А Маргарита²⁵ с них смывает кровь.
Вас ждёт в снегах советских гибель,
И вам не счесть берёзовых крестов.

Ты почерневшими ногами станешь
На верхний ящик из-под макарон,
И жизнью уходящей в дали глянешь,
В которых подвиг светлый отражён.

Когда фотограф наведёт бесстрастно
На виселицу Цейса объектив,
То в голосе, трагически прекрасном,
Как завещанье, прозвучит призыв.

---

²⁵ Зибель и Маргарита – персонажи оперы "Фауст" Ш. Гуно.

По всей стране разбудит ветер эхо,
Тебя раскачивая ночь и день.
Зальётся Зибель пьяным смехом
И тело превратит твоё в мишень.

Дар новогодний нужен Маргарите.
Стянув с тебя жакет, штаны, чулки,
Кинжалами исколют грудь бандиты,
Штыки и палки тыкают в виски.

Но мёртвый лик твой чистотой просвечен,
Из мрамора иссечены черты.
Свеченьем ярким был твой путь отмечен.
Костёр победы – это, Зоя, ты.

Сбылось пророчество твоей берёзы,
Берёзка русская была права.
И на вопрос «ты чья?» – «моя», – сквозь слёзы
Ответит Сталин, Родина, Москва.

Не расскажу я, как бойцы венчали
Тебя, бессмертную, с сырой землёй.
Хочу, чтоб речь твоя опять звучала,
Я говорить хочу не с мёртвой, а с живой.

– Скажите, кто стоит у изголовья?
Кто руку мне с участием протянул?
На сжатый рот, запёкшийся от крови,
Весенний ветерок легко пахнул.

Теперь героем умереть сумею.
Не страшно умереть за свой народ.
Я завтра оттяну петлю на шее
И крикну: «Сталин с нами! Он идёт!».

О, мама, счастье быть присяге верной,
Остаться верной Родине, стране.
Сильнее смерти боль любви безмерной.
Прощай! Прощай и помни обо мне».

18.

Пора закончить, может быть, поэму
Мне на пожатье сталинской руки.
Мне кажется величественной тема,
Где Сталин и зелёные ростки.

Беря кусок когда-то жизни бледной,
Легенду из неё поэт творил.
Беру кусок я жизни многоцветной:
Отобразить её не хватит сил.

Донёс мне голос Зои сумрак синий.
Призыв её ловил я на лету;
Нёс лучезарный образ героини,
С оружием слова шёл на высоту.

Кровавою рукой убийца-фюрер
Величия души её не стёр.
Зажжённый ею в дни великой бури
Горит и светит мужества костёр.

Эпилог

Промчались дни ускоренной чредою,
Событий грозных удлинилась нить.
С бессмертной Зоей, как с живою,
Хочу я в эпилоге говорить.

Когда фотограф щёлкнул аппаратом,
Твой начался в бессмертие полёт.
В Петрищеве над холмиком покатым
Наметился к вершине славы всход.

Ты помнишь, Зоя, ящик макаронный
(Ведь впечатленья казни так свежи),
Он, гнусный символ пошлости бездонной,
Подножьем стал величия души.

Когда фашистов крики отзвучали,
Когда раскачивалась ты в петле,—
Казалось, вслушиваясь чутко в дали,
Ты мысленно была в Москве, в Кремле.

Судьбу Москвы переживая остро,
Ждала прилива ты могучих сил.
Обрадую тебя: в застенок, в Остланд
Столицы нашей фюрер не включил.

Не бьётся грозно очереди пламя
Из устья пулемётного ствола.
И над рейхстагом реет наше знамя.
Победа радугу весны зажгла.

Замолк и тот, кто перед целым светом
Вещал, что превратит нас в перегной,
Что Гитлер, мол, ведёт с Страной Советов
Войну одною левою рукой.

Труд мирный наступил, а с ним и роздых.
И взвихренный войной утихнул век.
И чистой лирики прозрачный воздух
Вдохнуть так хочет человек.

Сердца обиды и утраты помнят,
Но как прекрасен звонкий разговор
Громов победы с лирикою комнат,
Раскрытых снова в солнечный простор.

Где радость долгожданного покоя,
Где небо отдаёт голубизной,
Где светит лучезарный образ Зои,
Любимый, выстраданный всей страной.

Нам говорят, как строки завещанья,
Черты её бессмертного лица:
О, братья, будьте стойки в испытаньях!
О, сёстры, будьте стойки до конца!

События бегут, им нет отсрочки.
Но символ Родины... он в ком?
Он в Зое, что в изодранной сорочке
По снегу шла в бессмертье босиком.